

для решения глобальных проблем современности требуются *новые* глобальные инструменты; особую роль приобретает, можно сказать, *мониторинг* новых вопросов и проблем, которые вызывают все большее беспокойство, но еще не стали предметом пристального внимания, как они того заслуживают;

современный мир *слишком сложен*, чтобы доверять его нескольким персонам, тем более одному человеку, равно как и какому-то одному центру принятия решений;

мы не должны гнаться за экономическим ростом (измерять все в ВВП), за сиюминутным благополучием в условиях, когда планета уже перенаселена, а антропогенное воздействие на окружающую среду *превышает* ассимилирующие возможности биосферы;

чем активнее разворачивается глобализация, тем больше люди уходят в свое национальное, локальное, частное, будируя вопросы этнического, культурно-исторического, политического и территориального самоопределения; поиск *баланса и компромисса* между национальными и общечеловеческими моралью и системой ценностей одна из самых актуальных задач современности;

вне *культурно-цивилизационного* подхода сущность многих актуальных глобальных проблем современности остается за пределами внимания.

Хочу отметить, что завершающая триптих монография А.Н. Чумакова убедительно демонстрирует контуры теории глобализации: в первой книге глобализация предстает как самодостаточный исторический процесс, разворачивающийся в соответствии с логикой локальных, региональных и глобальных изменений в общественном развитии (можно сказать, структурная составляющая глоба-

лизации); во второй она выступает в качестве одной из важнейших характеристик мировой социосистемы, которая позволяет увидеть ее изменения с учетом трансформации внутреннего содержания (культуры) и изменений форм (цивилизации; иными словами, динамическая составляющая глобализации); наконец, в третьей, прорецензированной монографии (функциональный аспект глобальной социосистемы) показано, как эволюционирует глобальный мир в качестве целостной, стихийно регулируемой и совсем неуправляемой культурно-цивилизационной системы, а также проанализированы наиболее вероятные пути и сценарии его дальнейшего развития. Мне представляется, что с выходом этой книги А.Н. Чумаков может смело присоединиться к словам одного из организаторов Римского клуба А. Печчеи: «Нашей целью была высадка десанта, призванного пробить брешь в той шатающейся самодовольства, где имело глупость окопаться общество» (Печчеи А. Человеческие качества. М., Прогресс, 1980. С. 119). Десант высадился, закрепился, можно начинать наступательную операцию.

Член-корреспондент РАН Г.С. Розенберг
(г. Тольятти)

Розенберг Геннадий Самуилович – доктор биологических наук, профессор, чл.-корр. РАН, главный научный сотрудник Института экологии Волжского бассейна РАН.
genarozenberg@yandex.ru

Rozenberg Gennady S. – DSc in Biology, professor, corresponding member of RAS, chief scientist of Institute of Ecology of the Volga River Basin of the RAS.

DOI:10.31857/S004287440001364-5

Н.А. ГРЯКАЛОВ. **Фигуры террора** — 2. СПб.: Изд-во РХГА, 2017. 232 с.

Гераклит говорил о правящей вещами молнии... Идея, рефлексия, теория — все эти поздние оптические метафоры, которые давно перестали быть понятиями, поскольку перестали хоть что-то прояснять, — замыкают нас в плену самоочевидности, не давая выйти к изначальному импульсу мысли, к ее истоку. Мы говорим об идеях, теории, рефлексии в силу сложившейся традиции. Привыкшие к оптической метафорике, к машинам зрения, определяющим направление взгляда и горизонт мышления, мы забываем, что до обнадеживающей и успокоительной «идеи» Платона, до аскетической «*bios theoretikos*» Аристотеля, повлиявшей и на поздний идеал ученого, до новоевропейской «рефлексии», даже в критический свой период обосновывающей торжество отчетливых и устойчивых понятий, одним словом, до всех метафор, рисующих аполлонический мир строгих и ясных форм, была ночь и жуткая молния Гераклита.

Конечно, не меньшим препятствием к пониманию выступает и индустрия культуры. *Вторая* природа в своих плавильных тиглях до неузнавания преобразила *первую*, освоила ее как ресурс — пусть даже рекреационный, наделенный соответствующими эстетическими коннотациями, а потому мы в отличие от человека времен Гераклита неизбежно видим молнию, а не переживаем ее всем телом в сложной и болезненной игре эмоциональных интонаций и (пато) физиологических состояний. Пытаясь помыслить ее в духе Гераклитового высказывания, мы рискуем совершить критический промах.

Молния в силу исторической и культурной ситуации дана нам только в модусе представления и уж точно не в модусе воли. Для нас молния — включение и выключение света, например, естественного света разума, молния — вспышка и затухание рефлексии, размечающей границы вещей, позволяющей ориентироваться

в них. Гераклит одновременно возвращает нас к изначальному пониманию и приближает к наиболее современному. Молния здесь, как и рефлексия — не представление вещи, но четвертое состояние вещества — природа, открытая аффекту, волящая материя, мыслящее тело, в которое мы входим как в особое онтологическое состояние: душа мудреца «по Гераклиту, “душа сухая и наилучшая”, пролетающая сквозь тело, словно молния сквозь тучу».

Книга Н.А. Грякалова «Фигуры террора – 2» — настоящий дискурс-молния: это книга не для чтения, это книга для состояний. Изобилие сюжетов, интриг, имен, методологий, встречаемых на страницах книги, не должно смущать — они здесь не плоды праздной эрудиции, они вводят в самую суть дела, в состояние предельного напряжения, в состояние понимания. Гегелю удалось показать, что онтологические условия истины не понять и не выявить вне вхождения в предельные состояния, не пройдя путем феноменологии духа. Позитивные науки, односторонне моделируя мир в языке абстрактных символов, устраняют субъективность, накопленные языком пласты культуры и многочисленные парадоксы, наспех сшивают разрывы на полотне социального, смягчают ошибки восприятия и противоречивость сознания, заменяют в опыте науки открытое ошибке живое безупречно функционирующими техническими средствами наблюдения и расчета. Естественный результат этой фабрики мысли состоит не в обнаружении истины, а в производстве басен: претендуя на истину, науки начинают рассказывать новые мифы языком техники. Подлинная наука, или философия, достигшая статуса науки, — это сама действительность, обретшая язык и выразившая себя через ряд действительных состояний. Но что это за состояния? Насколько отличны они от тех эмоциональных и интонационных оттенков, которые представляет палитра обыденного рассудка? Рецензируемая книга проводит путями почти патологических (настолько далеки они от обыденных) состояний, вводя в предельное напряжение через многочисленные сюжеты: от психоистории inferнального до фантазмов геополитики, избавляя от иллюзий, показывая, что наиболее плотные слои семиосферы — остаточный продукт глубинного взрыва, сотрясшего коллективное тело, нашедшего выход в волнах интенсивностей и осевшего в окаменевших знаках.

О методе философской работы, представленной в книге, можно сказать: мы никогда не поймем суть вещей, если не поймем причины той катастрофы, которая превратила вещи в знаки, сложив их в орнаменты смысла. Никогда не поймем логику антропологического кодирования — превращения человека из существа жалкого, бессловесного в *животное, смеющееся обещать*, если за биоритмами социальной

жизни, за разрастанием архива культуры не обнаружим боль и судороги коллективного тела, за оставленными на теле знаками — непристойную изнанку действительности, неутраченную игру интенсивностей. Парадокс: живая сила взрыва ушла в глубины, но обнаруживается и на поверхности — в техниках тела, стилиях сознания, экзистенциальных ландшафтах, которые этот взрыв сформировал. Войти в состояние рефлексии — значит дать отчет об истоках этих форм, об истории поверхности — об истории того, у чего история, как часто полагают, отсутствует. Естественное предстанет тогда как сверх- или (в)нестественное, обыденное — как жуткое, вытесненное — как вернувшееся, как выдвинувшееся в присутствии и угрожающее задеть, открыть старые раны.

Читатель уже подготовлен страшными событиями современной истории к мысли о том, что фигуры террора — это фигуры повседневности. Р. Декарту был знаком ужас повседневности — ужас простых людей: «...всегда говорю по привычке, будто вижу из окна людей, переходящих улицу..., а между тем я вижу всего лишь шляпы и плащи, в которые с таким же успехом могут быть облачены автоматы» (*Декарт Р.* Размышления о первой философии, в коих доказывается существование Бога и различие между человеческой душой и телом // Декарт Р. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1994. Т. 2. С. 27). Ужас простоты, обнаруженный в истоке Нового времени, продолжал питать его ход. История Нового времени — во многом история террора. Даже те, кто с этой историей не знаком, живут ее плодами. Подготовленные новостными сюжетами, мы могли бы сказать: видим лишь шляпы и плащи, но что несут под этими плащами? Оружие? Индивидуального или массового поражения? Обрез или пояс смертника? А может быть, речь идет о биологическом оружии — о патогенных микроорганизмах, которые живут под кожей, поражают изнутри, угрожают не только ограниченной в пространстве области, но и благодаря устойчивой репликации — поколениям людей, разделенным временем? Или речь о медиавирусах, которые множатся в кармане пальто, на экранах смартфона, в потоках сообщений? Если сегодня мы ищем продолжения тела в электронных медиа, то не открыты ли наши символические тела, взятые напрокат у цифровой культуры, прибавочной стоимости медиакода?

Страх обыденного — мета времени, но усиление философской работы (в том числе и проделанной Н.А. Грякаловым в этой книге) как раз и состоит в сближении временного и вневременного, в выходе к предельным вопросам на основании симптомов времени: тогда оказывается, что в своем пределе непосредственно данное, обыденное именно в простоте своей

действительности, сейчас и всегда, ничем не обеспечено — обрaмлено *ничто*, подвешено в пустоте, где *пустоту/ничто* не стоит понимать как некий вакуум (в физическом или экзистенциальном смысле — все это лишь следствия), поскольку это сила, угрожающая прорасти сквозь вещи, наложить на них свой отпечаток в виде личины-оскала; сила, ради сдерживания и нейтрализации которой только и ведутся все речи, создаются все образы, возникают собрания вещей, архивы событий, галереи лиц.

Доведение до предела вызывает ужас — фундаментальное настроение, в котором вещи, события, люди уже не те, что были. «Чтобы речь по-настоящему возникла, жизнь, которой предстоит быть носителем этой речи, должна пройти через опыт своего небытия» (с.31). Первые принципы — начала — проясняют все остальное. Но как объяснить первые принципы, если они сами, будучи пределом, ускользают от любого возможного определения, отказываются говорить за себя? Граница, вопреки всей устоявшейся логике оптимистически-рационалистического философствования, ничего не показывает, приводит не к смыслу, а к парадоксу, не к самопредставлению, а к самосокрытию. Благодаря Канту мы знаем, что подведение к этой границе грозит появлением незаконных суждений — чудовищ, рожденных не сном, но бодрствованием разума. Подведение к границе — условие множения смыслов, миражей, призраков, поэтому граница — не начало определения, не условие открытия действительности, а указание на другое начало — на картографию других мест, на гетеротопию. Другие места — то, что как хаос противостоит космосу. Обживание человеком территории человеческого, воздeльвание круга земель или культивирование чистого разума возможно только вопреки террору иных мест, в противостоянии тем стихиям, где обитают до или постчеловеческие существа, звери, не отличимые от монстров, боги, не отличимые от демонов. Знание об условиях отвоевания человеком себя возможно только при сохранении памяти о тех, у кого это человеческое удалось отвоевать и присвоить, о тех, кто всякий раз угрожает вернуться, — о фигурах террора.

Ближе к концу второго тома «Энциклопедии философских наук», посвященного философии природы, Гегель рассуждает об истории Земли, о формировании земного ландшафта серией вулканических извержений и силой движения океана, рассказывает об ископаемых чудовищах, гигантских раковинах в горах, целых замороженных лесах в древних слоях земных отложений. Помимо изложения феноменальной истории терраформирования он обращает внимание на ноуменальную ее основу: «Чтобы объяснить все это, мы должны условиться относительно способа рассмотрения

этих вопросов. Земля имела прежде историю, но теперь она достигла покоя; это была жизнь, которая, бродя в самой себе, имела и время в самой себе, — дух Земли, еще не пришедший к противоположению, движение и грезы спящего, пока он наконец не проснулся и не обрел в человеке свое сознание, противопоставив себе себя в виде спокойного образования» (Гегель Г.В.Ф. Философия природы // Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук: в 3 т. М.: Мысль, 1975. Т. 2. С. 371). Вулканические взрывы, магматические потоки, чудовищная игра мирового океана, гигантские живые существа, в этом океане обитавшие, — все это как бы сон мирового разума, который мучается кошмарами, рождает чудовищ, но после пробуждения планетарного сознания (появления первых разумных существ) все встает на свои места, обретает устойчивые формы, ясные черты.

Начинается мировой день.

Гегель акцентирует внимание на «брожении жизни Земли». Н.А. Грякалова больше интересуется брожение человеческого в самом себе, те эпидемические, наркотические, патологические процессы, которые однажды усыпили животных и пробудили человека, а теперь замененные машинами символического продолжают транслировать этот первый опыт пробуждения, неустанно возобновляя его в каждом индивиду. Автор убедительно показывает: человек — неспокойное образование, человеческое лишь эффект работы сложных машин; человеческое творится, особые сборки человеческого ставятся на поток в автоматизированном производстве, альтернативы отбраковываются, но скорее отброшенное, чем стандартизированное становится путевой нитью для экспликации работы антропологических машин. Миф, ритуал, жертвоприношение, игра, бесцельная трата, искусство, философия — все это можно прояснить только на фоне тех альтернативных вариантов, которые были отвергнуты, в которых человек, отвоевавший себя у природы, не узнавал себя, видя иное. Зазеркалье человеческого — это те исключенные образы, которые определяют человеческое в человеке, но которые подверглись такому строгому табуированию, что не даются прямому взгляду. Для безопасной встречи с этими двойниками необходимы особые состояния как бы между сном и бодрствованием, зеркала страниц, где экстаз и предельная концентрация совпадают. Книга Н.А. Грякалова погружает в эти состояния, проводя импульс рефлексии через наше тело, позволяя понять антропологические границы и их иное, табуированное в двойниках. Книга позволяет заговорить этим двойникам, узнать от них об иных началах, возможных мирах. То, в чем мы себя обнаруживаем и узнаем, то, что является для нас проводником опыта мира, то,

что составляет саму суть нашего существа, иными словами, наша телесность, понятая не в физиологическом смысле, а в смысле укорененности в порядке вещей, в смысле конкретности (от лат. *conspicere*), т.е. сращенности с ними, является не данностью, но завоеванием, причем даже не в смысле культурного завоевания, а в смысле психоисторического завоевания, завоевания своего, собственного, в самых обыденных вещах повседневности продолжает твориться та драма протоистории, которая когда-то выдвинула человека из мира, заставив его обернуться к миру, к своим мировым корням, до сих пор заставляющая на пути анамнеза искать всегда уже имеющуюся связь с миром, отражать этот путь в мышлении, речи, искусственно создаваемых символах. «Фигуры террора» расчеловечивают («деконструируют») *человеческое* для того, чтобы открыть условия сборки, дать правила игры — опыт иных территорий, на которых обитает неприрученная мысль, на которых еще не проведены первые границы, еще только готовятся сражения за освоение человеческого, где этикетки не только не проглотили вещи, лица, события, но даже и не успели к ним прикрепиться. В этом утреннем свете будущей истории все еще виден след ночных чудовищ, но уже намечены и будущие пути экспансии человеческого. Пути эти проясняются только через возвращение к истоку.

Отметим, что данная книга — это второе расширенное издание работы, вышедшей в издательстве Санкт-Петербургского университета в 2007 г. и уже ставшей библиографической редкостью. Новое издание дарит читателю впервые собранные вместе статьи и опубликованные выступления, а также не публиковавшийся ранее текст «*Mysterium tremendum*», заостряющий внимание на предельных понятиях «ужасного»,

«жуткого», «чуждого», «отвратительного», относимых обыденным сознанием к сфере умолчания, а философией и антропологией — к ключевым категориям для герменевтики опыта мира. Все статьи и выступления можно читать как отдельно, так и в качестве комментария к основному тексту. В таком сквозном прочтении не только открываются не видимые ранее смыслы, но и, что не менее важно, намечается плавный и вдумчивый переход к большому, сложному и очень важному труду Н.А. Грякалова «Жребии человеческого. Очерк тотальной антропологии» (СПб., 2015), представляющему собой наиболее строгое и последовательное философско-антропологическое исследование современности.

К.А. Очеретяный (Санкт-Петербург)

Очеретяный Константин Алексеевич — кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии науки и техники Санкт-Петербургского государственного университета.

kocheretyany@gmail.com

Рецензия написана при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках исследовательского проекта № 16-18-10162 «Новый тип рациональности в эпоху медийного поворота» (СПбГУ).

Ocheretyany Konstantin A. — CSc in Philosophy, Senior Lecturer of the Department of Philosophy of Science and Technology. Saint-Petersburg State University.

This work was supported by the Russian Scientific Foundation N 16-18-10162: “Rationality in the era of medial turn, SPBU”.

DOI: 10.31857/S004287440001365-6